

<https://elibrary.ru/ungsqo>

ОТ «ЛОГОСА» К 言葉 (КОТОБА): ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПЕРЕВОДАХ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО

Священник Николай Николаевич Киреев
кандидат экономических наук, научный
сотрудник Тамбовской духовной семинарии
392000, Россия, г. Тамбов,
ул. М. Горького, д. 3
E-mail: okolianka@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-3651-3170>

Для цитирования: Киреев Н. Н., свящ. От «Логоса» к 言葉 (Котоба): лингвокультурная интерпретация христианской лексики в переводах святителя Николая Японского. DOI: 10.51216/2687-072X_2025_2_212-225. EDN: UNGSQO // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2025. № 2 (31). С. 212–225.

Аннотация

Статья посвящена исследованию лингвокультурных аспектов передачи христианской терминологии в миссионерских переводах святителя Николая Японского. Актуальность темы обусловлена возрастающим научным интересом к методам миссионерской деятельности, связанным с переводом богослужебных и священных текстов на язык обращаемого народа, а также необходимостью осмысления и актуализации духовного наследия святителя Николая Японского в контексте современного миссионерского служения.

За время своего миссионерского служения, которое длилось более полувека, святитель Николай вёл работу в непростых условиях, поскольку христианство в Японии воспринималось враждебно. В ходе своей миссионерской деятельности архиепископ разработал уникальный подход к переводу православного вероучения на японский язык. Он стремился органично совместить христианские догматы с особенностями японской культуры и языка, чтобы сделать христианство близким и понятным для японцев.

Этот «культурный перевод» стал ключевым элементом его миссионерской работы, направленной на глубокое укоренение христианства в японской культурной среде. Благодаря трудам архиепископа Николая (Касаткина) в Стране восходящего солнца появилась Православная Церковь, которая насчитывала более 30 тысяч верующих.

В работе использованы экзегетический, сопоставительный, интерпретационный методы и лингвостилистический анализ, позволившие изучить лексико-семантические и культурно-переводческие приёмы, применённые святителем Николаем при передаче ключевых понятий христианского вероучения японскому народу.

Представленные в статье переводы обладают научно-богословским и церковно-практическим значением, поскольку опыт миссионерского перевода святителя Николая демонстрирует значимость учёта культурно-языковой специфики в современной миссионерской деятельности Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; лингвокультурная интерпретация; святитель Николай Японский; миссионерская деятельность; перевод Священного Писания.

Введение

Одним из недостаточно исследованных аспектов русского православного миссионерства за рубежом является переводческая деятельность, направленная на адаптацию богослужебных и священных текстов к языковой и культурной специфике народов, среди которых велась миссия. Ключевой задачей такого перевода выступает поиск адекватных филологических средств, позволяющих органично передать основы христианского учения в иной культурно-языковой среде.

В этом контексте особенно значима деятельность святителя Николая (Касаткина), архиепископа и просветителя Японии. На протяжении более сорока лет он глубоко изучал японский язык и культуру, что позволило ему создать переводческую традицию, обеспечившую широкое распространение Православия в Японии. Результатом его труда стало формирование православной общины численностью более 30 тысяч человек, объединённой в более чем 200 приходах. При участии святителя были построены 182 храма (включая восемь соборов), открыта духовная семинария, женские

и катехизаторские учебные заведения, издавались религиозные и культурно-просветительские журналы. Также было учреждено общество японских переводчиков для приобщения японской аудитории к русской литературе XIX века, произведения которой, по убеждению святителя Николая, способны пробудить искренний интерес и любовь к России [Акимова, 2011, с. 4].

Находясь в Японии, святитель осознавал необходимость глубокого погружения не только в языковую специфику японского и китайского языков, но и в традиции местной духовной и философской мысли – буддизма, конфуцианства и синтоизма. Он подчёркивал, что адекватное понимание «японского духа» требует не только знания лингвистических норм, но и внимательного изучения классической литературы и культурного контекста в их исторической динамике.

Процесс перевода сопровождался скрупулёзной текстологической работой. В одном из писем святитель описывал этапы своей работы: «Употреблены все меры ясно вразуметь (так в оригинале. – *Н. К.*) и выразить текст; пред нами были: три греческих текста, два латинских, славянский, русский, английский, французский, немецкий, три китайских, японский, толкования на русском и английском, все, все лексиконы – каждый день, почти каждый час, приходилось копаться во всем этом» (Дневники святого Николая Японского, 2004, т. 3, с. 417). Такой подход требовал от переводчика не только высокого уровня богословской и филологической подготовки, но и духовной чуткости, необходимой для точной передачи смысла христианских понятий в иной культурной парадигме [Киреев, 2020].

Цель исследования – показать лингвокультурные аспекты передачи христианской терминологии в миссионерских переводах святителя Николая Японского.

Задачи обусловлены поставленной целью:

1) проанализировать лексико-семантические приёмы, применённые святителем Николаем при передаче ключевых понятий христианского вероучения японскому народу;

2) выявить значимость учёта культурно-языковой специфики в современной миссионерской деятельности Русской Православной Церкви на примере опыта святителя Николая.

Основная часть

В 1860 году еще до начала миссионерской деятельности иеромонах Николай (Касаткин) в Николаевске-на-Амуре познакомился с епископом Иннокентием (Вениаминовым), известным просветителем народов Аляски и Алеутских островов, впоследствии ставшим митрополитом Московским и Коломенским. Владыка Иннокентий стал для отца Николая духовным наставником, обучившим его практическим основам миссионерской деятельности. Сам владыка Иннокентий, совершая духовную миссию на Алеутских островах, создал для этого народа азбуку, а позднее – грамматику и основал школы для обучения туземцев их собственному языку. Его трудами была написана книга «Указание пути в Царство Небесное» на алеутском языке (изданная Синодальным издательством на русском и славянском языках), переведены на этот язык Православный катехизис и Евангелие от Матфея. Епископ Иннокентий посоветовал молодому миссионеру «перевести Священное Писание и молитвослов на язык новообращаемых туземцев с тем, чтобы Православие укоренилось в их культуре» (Николай-До, 2001, с. 11).

Впоследствии иеромонах Николай руководствовался этим принципом глубокого изучения культуры страны в его языковом устном и письменном наследии. Однако первоначальная задумка сделать буквальный перевод Священного Писания с китайского языка на японский обернулась неудачей, так как перевод содержал большое количество ошибок, связанных с неточностью используемой китайской лексики.

В то время уже существовали католические и протестантские переводы Евангелия и псалмов на японский язык, но архипастырь не хотел пользоваться ими, так как они имели высокопарный слог и были недостаточно понятны простому народу. Он говорил своим ученикам: «Мы будем переводить самым простым, разговорным языком, чтобы каждое слово доходило до ума и души слушателя и читателя» [Васильев, 1962, с. 75–76].

Для перевода Священного Писания был выбран официальный литературный язык «бунго», который использовался знатью и дворянством того времени. Этот язык был наиболее понятным и универсальным для широкой японской аудитории [Бесстремянная, 2006, с. 149].

Святитель Николай сформировал уникальную стратегию перевода православного вероучения на японский язык, стремясь органично соединить христианскую доктрину с культурной и языковой спецификой японского мировосприятия. Такой «культурный перевод» стал основным инструментом его миссионерской деятельности, направленной на глубокое укоренение христианства в традиционной культурной среде Японии.

Трудность перевода заключалась в сложном синтезе различных культурных традиций – библейско-христианской, русской, японской, конфуцианской и дальневосточной. Этот процесс предполагал не просто передачу текста, а интеграцию христианских смыслов в контекст японской культуры. Особую сложность представляло изучение японского языка, отличающегося двойственной природой: он сочетает японскую и китайскую языковые системы, не сводимые к единой структуре. Его письменная форма включает различные системы письма, фонетические знаки и грамматические конструкции, требующие глубокого интуитивного и аналитического освоения [Вишнякова, Панькина, 2014].

Несмотря на ограниченные ресурсы, успех Русской духовной миссии в Стране восходящего солнца стал возможен благодаря активному участию японцев – учеников святителя, ставших проповедниками, катехизаторами, учителями и священниками. Владыка стремился, чтобы именно японцы создали собственное духовное пространство, опирающееся на православную традицию, адаптированную к их культуре [Ясую Усимаро, 1988, с. 231].

Для повышения качества переводов архипастырь отправлял талантливых помощников из новообращённых японцев на обучение в духовные школы России. Вернувшись, они становились богословами, переводчиками и миссионерами, участвовавшими в создании переводов Священного Писания и богослужебных текстов.

Несмотря на наличие помощников, основная работа по переводу выполнялась владыкой Николаем. Благодаря блестящему филологическому и богословскому образованию, а также знанию церковнославянского, греческого, китайского, японского и европейских языков, он глубоко понимал текст и при переводе обеспечивал его безупречную точность [Карташева, 2017, с. 95].

«Натурально желается, чтобы японец всякое слово Священного Писания, вошедшее в богослужение, нашел и собственными глаза-

ми видел в Библии; японцы же так охочи до того, и пытливость эта так законна», – отмечал святитель Николай (Святитель Николай Японский, 2009, с. 117). Иными словами, здесь обозначена высокая требовательность к переводу Священного Писания: он должен был быть настолько точен и ограничен, чтобы лексика богослужения легко соотносилась с текстом Библии. Это отражает интертекстуальную согласованность и требует от переводчика не только богословской, но и лингвистической грамотности.

Особое внимание уделялось семантическому единству переведенного слова в разных местах текста. Переводчики в своей работе столкнулись с большими трудностями. Приходилось создавать новые термины для понятий, которые не были знакомы японцам. Перед миссионерами-переводчиками стояла задача ввести в язык и культуру японского народа новые слова и выражения.

Для обозначения статуса молодых помощников владыки Николая, которые являлись кандидатами богословия, потребовалось разработать новую терминологию. Термин «кандидат» как научное звание уже существовал в японском языке. Звание «кандидат богословия» святитель Николай предложил перевести как «сингакуси» (досл. «богослов»), так как в японском языке отсутствовало слово «богословие». Для обозначения понятия «наука» была использована заимствованная из европейской терминологии конструкция, аналогичная таким терминам, как «био-логия» или «психо-логия» – сочетание иероглифов «Бог» (神), «наука» (科学) и «учёный» (学者). Так Преосвященным Николаем был введен термин «сингаку» (神学) – «богословие» [Васильев, 1962, с. 75].

По воспоминаниям А. Васильева, трудности перевода возникали при переводе такой простой, казалось бы, молитвы, как «Господи, помилуй» [Васильев, 1962, с. 75]. Богословский анализ этих слов позволяет понять их глубину тогда, когда мы размышляем о том, что означает просить у Бога «милости». В церковнославянской традиции слово «помилуй» служит калькой греческого ἐλέησον, употребляемого в литургическом возгласе Κύριε, ἐλέησον – «Господи, помилуй». В культурном сознании японца выражение «помилуй» часто воспринималось как «помилование преступника». Инославные христианские переводы также вкладывали в эту лексику юридический контекст западной христианской социологии, подчеркивая идею о снятии наказания с виновного.

Но святитель Николай предложил своим коллегам-переводчикам сместить акцент перевода и вложить в эти слова иное онтологическое содержание: «У нас таких отношений с нашим Богом нет. Мы возьмем слово “аварему”, – так мать “милует” ребенка, “жалаеет” – в исконном древнерусском смысле» [Васильев, 1962, с. 75]. Таким образом, святитель подчеркивал, что взаимоотношения человека с Богом в православной традиции не сводятся к прощению наказанного, но означают исцеление искаженной грехом природы, спасение от всяких бед и напастей, излечение от болезней и недугов как телесных, так и душевных – всё это подразумевает прощение «Господи, помилуй».

Предложение владыки Николая использовать слово «аварему» (哀れむ) подчеркивает материнское сострадание и сочувствие, жалость и любовь к своему созданию. «Как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его» (Пс. 102, 13). Наказания, которые посыпает Бог, всегда менее суровы, чем те проступки, которые их вызвали. И отношение Бога к человечеству больше похоже на отеческое, чем на строгое осуждение преступника [Лопухин, 1906, с. 102]. Этот перевод, выполненный святителем, представляет собой не только экзегезу текста, но и его герменевтическое осмысление. В нём отражён подход к молитвенному тексту как к живому выражению веры, которое следует понимать в контексте православного святоотеческого наследия.

Среди переводчиков владыки Николая был «сингакуси» Иван Акимович Секума, впоследствии ставший ректором Токийской духовной семинарии. В его воспоминаниях сохранилось такое свидетельство о переводческой деятельности: «Когда переводили мы Евангелие от Иоанна, затруднение было с первым стихом – “В начале было Слово”» [Васильев, 1962, с. 76]. В воспоминаниях Ивана Акимовича отражена не только техническая, но и концептуальная сложность перевода первого стиха Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово» (Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος). Греческое Λόγος несёт в себе многослойное значение: от «слова» и «высказывания» до «разума», «смысла», «закона» и «предвечного замысла». Однако в японском языке отсутствует прямой семантический эквивалент понятию «Логоса». Попытки заимствования философских аналогов, таких

слов как «дао» (道)¹ в китайском или «мити» (道)² в японском языке, оказываются ограниченными, поскольку эти слова прочно связаны с буддийской и даосской философией. Католики и протестанты и взяли для своих переводов слово «мити». Но Владыка рассуждал так: «Для богословских изысканий и рассуждений выражение “мити” возможно, но оно будет порождать ряд буддийских и синтоистских ассоциаций, не свойственных христианству. Поэтому мы примем слово “котоба” – буквально “слово”, хотя оно употребляется и в самом обычном смысле слова. И “котоба” станет вызывать новые, уже христианские, наши ассоциации» [Васильев, 1962, с. 76]. В этом контексте использование слова «котоба» (言葉) представляет собой формирование новой лексики. Хотя в современном японском языке оно употребляется в значении обычного «слова» или «речи», его выбор обусловлен не столько лексическим тождеством, сколько желанием сформировать новую ассоциативную среду в японском христианском сознании. Таким образом, слово «котоба» приобрело в переводе сакральное измерение, подобно тому, как греческий λόγος обрел новое христианское значение на базе привычного слова, переосмыслиенного в новом контексте.

Таким образом Евангелие от Иоанна по-японски начинается так: はじめに言葉在ら // «Хадзуму ни Котоба ара». Это буквально

¹ филос. Дао, истинный путь, высший принцип, совершенство (напр. 道范堪仰 образец совершенства достоин обожания).

Конкретно в различных школах:

А. даос. Дао, истинно сущий Путь (вездесущее начало, всеобщий закон движения и изменения мира; высший Абсолют, источник всех явлений, из которого всё исходит и к которому всё возвращается).

Б. будд.

а) (санскр. Marga) Путь Бодхи; путь к спасению, подвижничество для освобождения от перерождений;

б) нирвана;

в) буддийское учение...

И так далее (см. <https://cidian.ru/r.php?q=道>).

² Японский иероглиф 道 (michi) означает «путь». Он употребляется как в смысле «дорога», так и в значении «жизненный путь человека». Этот иероглиф пришел в японский язык из даосской религии, где он обозначает движение к главной цели жизни человека – к духовному просветлению через самосовершенствование. Нижняя левая часть иероглифа обозначает «препятствие». Это указывает на то, что путь к просветлению тернист и нужно преодолеть множество преград, дабы достичь его. Иероглиф 道 встречается в названиях боевых искусств: айкидо – «путь гармонии с жизненной энергией», дзюдо – «гибкий путь», кудо – «путь открытого сердца». В названии кодекса самураев бусидо также существует иероглиф «путь» (см. https://vk.com/wall-168170345_7249).

означает: «В начале Слово пребывает». Предложенная конструкция японского варианта первой главы первого стиха Евангелия от Иоанна представляет собой адаптацию как грамматическую, так и стилистическую. Употребление глагола «ара» (формы глагола «быть / пребывать») на завершающей позиции соответствует грамматическим нормам японского языка, где предикат традиционно располагается в конце. Более того, слово «ара» несёт в себе оттенок длительности и вневременности бытия, охватывая прошедшее, настоящее и будущее, что соответствует богословскому смыслу греческого $\tilde{\eta}\nu$ – имперфекта, выражающего не просто прошедшее, но вечное присутствие. Таким образом, порядок слов не только сохраняет естественность японского синтаксиса, но и обеспечивает организованную интерпретацию начала Евангелия от Иоанна.

Святитель Николай стремился к тому, чтобы перевод православных текстов на японский язык был одновременно доступным для понимания и богословски точным. Глубокое знание японского языка и культуры, а также богословская эрудиция позволили ему реализовать эту задачу.

Заключение

Миссия святителя Николая – редкий пример успешного культуротворческого миссионерства, основанного на глубоком уважении к народу и стремлении выразить универсальные истины через призму местной языковой и духовной традиции. Обширная переводческая деятельность, сопряжённая с филологическими и богословскими исследованиями, привела к формированию новой лингвокультурной среды, способствовавшей приобщению японцев к духовному опыту христианского Востока. Миссионер-переводчик стал посредником между различными культурными традициями, объединяя их для передачи универсальных христианских смыслов в контексте японского мировоззрения. Благодаря труду Русской духовной миссии эпохи Мэйдзи японская культура получила доступ к целостному корпусу православных текстов: гимнографических, догматических, проповеднических, дидактических. Эти тексты обладают как вероучительной значимостью, так и высокой интертекстуальностью, основанной преимущественно на цитатах из Священного Писания. Значимым результатом этой работы стало

создание святителем Николаем «Православного богословского словаря» на японском языке, представляющего собой важный вклад в богословие, лингвистику и миссионерскую практику.

В течение почти сорока лет (с 1871 по 1912 г.) святитель Николай и его сотрудники переводили на японский язык Новый Завет, Псалтирь, часть Ветхого Завета и богослужебные книги, включая Служебник, Требник, Часослов, Октоих, Триоди, Минеи и Ирмологий [Потапов, 2012]. Высокий уровень переводов признавали и представители других христианских конфессий, которые активно действовали в Японии и с интересом следили за публикациями Русской миссии. Архиепископ Николай поддерживал контакты с переводчиками протестантских и католических церквей в Японии и за её пределами. Его миссионерские переводы представляют собой ценное духовное и культурное наследие. Их уникальность объясняется как особенностями японской культуры, так и личностными качествами самого переводчика: высокой образованностью, научным складом ума, литературным талантом, аскетизмом и исключительной работоспособностью.

Таким образом, даже краткий лингвокультурный анализ переводческих трудов святителя Николая свидетельствует о том, что ему удалось найти точные филологические средства для передачи христианского вероучения в условиях иной культурной парадигмы, что позволило «семени» веры укорениться, взрасти и принести обильный плод (Мф. 13, 8).

Список источников

1. Господи, помилуй // Азбука веры : православный портал. URL: <https://azbyka.ru/gospodi-pomiluj> (дата обращения: 18.04.2025).
2. Дневники святого Николая Японского : в 5 т. / сост. К. Накамура. Санкт-Петербург : Гиперион, 2004. Т. 3. 896 с.
3. Николай-До. Святитель Николай Японский : краткое жизнеописание, выдержки из дневников / сост. А. Чех. Санкт-Петербург : Библиополис, 2001. 224 с.
4. Николай Японский, свт. Видна Божия воля просветить Японию : сборник писем / ред.-сост. Г. Г. Гуличкина. Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2009. 336 с.

Список литературы

1. Акимова А. С. Святитель Николай Японский и Ф. М. Достоевский: исторические факты и их эпистолярные интерпретации // Филологический журнал. 2011. № 1 (18). С. 4–6.
2. Бессстремянная Г. Е. Христианство и Библия в Японии : исторический очерк и лингвистический анализ. В 2 т. Т. 1. Москва : Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2006. 320 с.
3. Васильев А. Из воспоминаний об архиепископе Японском Николае // Журнал Московской Патриархии. 1962. № 6. С. 75–76.
4. Вишнякова О. Д., Панькина Ю. А. Интертекстуальные включения в когнитивно-прагматическом и переводческом аспектах // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 71–80.
5. Карташева Н. В. Культурологические аспекты миссионерских переводов святителя Николая Японского // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 90–103.
6. Киреев Н. Н., свящ. Лингвокультурологические аспекты миссионерской деятельности святителя Николая Японского // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 171–181.
7. Лопухин А. П. Толковая Библия : комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В 7 т. Т. 3. Санкт-Петербург : Приложение к журналу «Странник», 1906. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_22/102 (дата обращения: 18.04.2025).
8. Потапов А. В. Переводческая деятельность святого равноапостольного Николая, архиепископа Японского // Духовное наследие равноапостольного Николая Японского : к столетию преставления : сборник трудов научной конференции, г. Москва, 21 февр. 2012 г. Москва : Пенаты, 2012. С. 152–160.
9. Ясую Усимаро. Японское православие и культура периода Мэйдзи // Тысячелетие Крещения Руси : Международная церковно-историческая конференция, г. Киев, 21–23 июля 1986 г. : материалы. Москва : Издательство Московской Патриархии, 1988. 350 с.

Статья поступила в редакцию 15.04.2025.

Статья поступила после рецензирования 30.04.2025.

Статья принята к публикации 19.05.2025.

UDC 2-762

FROM “LOGOS” TO 言葉 (KOTOBA): A LINGUO-CULTURAL INTERPRETATION OF CHRISTIAN LEXICON IN THE TRANSLATIONS OF SAINT NICHOLAS OF JAPAN

Nikolay Kireev, Priest

PhD in Economics, Research Fellow

Tambov Theological Seminary

392000, Russia, Tambov, M. Gorkogo St., 3

E-mail: okolianka@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-3651-3170>

For citation: Kireev N. N., priest From “Logos” to 言葉 (Kotoba): a linguo-cultural interpretation of Christian lexicon in the translations of Saint Nicholas of Japan DOI: 10.51216/2687-072X_2025_2_212-225. EDN: UNGSQO // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2025, no. 2 (31). P. 212–225. (In Russian)

Abstract

This article is devoted to the study of linguo-cultural aspects of conveying Christian terminology in the missionary translations of Saint Nicholas of Japan. The relevance of the topic is due to the growing scholarly interest in missionary methods connected with translating liturgical and sacred texts into the language of the converted people, as well as the need to comprehend and actualize the spiritual heritage of Saint Nicholas of Japan in the context of modern missionary service.

During his missionary service, which lasted more than half a century, Saint Nicholas worked in difficult conditions, when Christianity was perceived as hostile in Japan. During his missionary work, the saint developed a unique approach to translating Orthodox doctrine into Japanese. He sought to organically combine Christian dogmas with the peculiarities of Japanese culture and language in order to make Christianity close and understandable to the Japanese. This “cultural translation” became a key element of his missionary work aimed at deeply rooting Christianity in the Japanese cultural environment. Thanks to the efforts of Archbishop Nicholas (Kasatkin), the

Orthodox Church appeared in the Land of the Rising Sun, which numbered more than 30 thousand believers.

The work uses exegetical, comparative, interpretative methods and linguostylistic analysis, which allowed us to study the lexical-semantic and cultural-translation techniques used by St. Nicholas in conveying key concepts of Christian doctrine to the Japanese people.

As a result, the translations presented in the article have scientific-theological and ecclesiastical-practical significance, since the experience of St. Nicholas's missionary translation demonstrates the importance of taking into account cultural and linguistic specifics in the modern missionary activity of the Russian Orthodox Church.

Keywords: Russian Orthodox Church; linguo-cultural interpretation; Saint Nicholas of Japan; missionary activity; translation of the Holy Scripture.

List of Sources

1. Gospodi, pomilui [Lord, have mercy]. *Pravoslavnyi portal Azbuka Very* [Orthodox Portal ABC of Faith]. (In Russian). Available at: <https://azbyka.ru/gospodi-pomiluj> (accessed: 18.04.2025).
2. *Dnevniki svyatogo Nikolaya Yaponskogo* [Diaries of St. Nicholas of Japan]. St. Petersburg, Hyperion Publ., 2004, vol. 3, 896 p. (In Russian).
3. Nikolai-Do. *Svyatitel' Nikolai Yaponskii: kratkoe zhizneopisanie, vyderzhki iz dnevnikov* [St. Nicholas of Japan: a short biography, excerpts from the diaries]. St. Petersburg, Bibliopolis Publ., 2001, 224 p. (In Russian).
4. St. Nicholas of Japan Vidna Bozhiya volya prosvetit' yaponiyu: sbornik pisem [God's will to enlighten Japan is visible: a collection of letters]. Moscow, Sretensky Monastery Publishing House Publ., 2009, 336 p. (In Russian).

References

1. Akimova A. S. *Svyatitel' Nikolai Yaponskii i F. M. Dostoevskii: istoricheskie fakty i ikh epistolyarnye interpretatsii* [Saint Nicholas of Japan and F. M. Dostoevsky: historical facts and their epistolary interpretations]. *Filologicheskii zhurnal* Philological Journal]. 2011, no. 1 (18), pp. 4–6. (In Russian).
2. Besstremyannaya G. E. *Khristianstvo i Bibliya v Yaponii: istoricheskii ocherk i linguisticheskii analiz* [Christianity and the Bible in Japan: historical essay and linguistic analysis]. Moscow, Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate Publ., 2006, vol. 1, 320 p. (In Russian).

3. Vasiliev A. Iz vospominanii ob arkhiereiske Yaponskom Nikolae [From the memories of archbishop Nicholas of Japan]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate]. 1962, no. 6, pp. 75–76. (In Russian).

4. Vishnyakova O. D., Pankina Yu. A. Intertekstual'nye vklyucheniya v kognitivno-pragmaticeskem i perevodcheskom aspektakh [Intertextual inclusions in the cognitive-pragmatic and translation aspects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Series 19, Linguistics and Intercultural Communication, 2014, no. 4, pp. 71–80. (In Russian).

5. Kartasheva N. V. Kul'turologicheskie aspekty missionerskikh perevodov svyatitelya Nikolaya Yaponskogo [Culturological aspects of missionary translations of St. Nicholas of Japan]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Series 19, Linguistics and Intercultural Communication, 2017, no. 1, pp. 90–103. (In Russian).

6. Kireev N. N., priest Lingvokul'turologicheskie aspekty missionerskoi deyatel'nosti svyatitelya Nikolaya Yaponskogo [Linguocultural aspects of the missionary activity of St. Nicholas of Japan]. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2020, no. 2 (11), pp. 171–181. (In Russian).

7. Lopukhin A. P. Tolkovaya Bibliya: kommentarii na vse knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta [Explanatory Bible: a commentary on all the books of the Holy Scripture of the Old and New Testaments]. *Prilozhenie k zhurnalu “Strannik”* [Supplement to the Magazine “Pilgrim”], St. Petersburg, 1906, vol. 3. (In Russian). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_22/102 (accessed: 18.04.2025).

8. Potapov A. V. Perevodcheskaya deyatel'nost' svyatogo ravnoapostol'nogo Nikolaya, arkhiereiska Yaponskogo [Translation activity of St. Nicholas, Equal-to-the-Apostles, Archbishop of Japan]. *Sbornik trudov nauchnoi konferentsii “Dukhovnoe nasledie ravnoapostol'nogo Nikolaya Yaponskogo”* [Proceedings of the scientific Conference “Spiritual Heritage of St. Nicholas of Japan”]. Moscow, Penates Publ., 2012, pp. 152–160. (In Russian).

9. Yasuo Ushimaro Yaponskoe pravoslavie i kul'tura perioda Meidzi [Japanese Orthodoxy and the Culture of the Meiji Period]. *Materialy Mezhdunarodnoi tserkovno-istoricheskoi konferentsii “Tysyacheletie Kreshcheniya Rusi”* [Proceedings of the International Church-Historical Conference “The Millennium of the Baptism of Rus”]. Moscow, Moscow Patriarchate Publishing House Publ., 1988, 350 p. (In Russian).

Received 15 April 2025.

Reviewed 30 April 2025.

Accepted for press 19 May 2025.